

Дмитрий
Мережковский

ЛИЦА
Павел. Августин

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Лица. Павел. Августин / Д. Мережковский. – М.: T8RUGRAM, 2018. – 244 с.

ISBN 978-5-519-63144-0

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) – известный русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

Первая часть трилогии «Лица святых от Иисуса к нам» – «Павел. Августин» – удивительная книга, совмещающая в себе беллетризованную биографию и исторический роман с религиозно-философской проблематикой, главной темой которой является выявление путей развития Христианства и всего человечества. Обращаясь к образам великих фигур христианского Запада – Павлу, апостолу язычников, выведшему Церковь за пределы Израиля, и Августину, свидетелю крушения Рима, Мережковский описывает страшную картину современной ему действительности: победу тоталитаризма и атеизма, первые проблески войны...

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПАВЕЛ.....	5
II. АВГУСТИН.....	121

I
ПАВЕЛ

I

Первый святой — Павел; в нем первая точка пути от Иисуса к нам. Были, конечно, и до Павла святые — ближайшие к Иисусу ученики; но святость тех — иного порядка, чем Павлова: та — в вечности, в мистерии; эта — во времени, в истории. Лица у тех не совсем человеческие; лицо Павла — совсем: те — небесные, это — земное; те для нас уже почти невидимы, первое видимое — это. Первый, по Воскресении слышимый нами, голос, возвещающий Христа, — голос Павла.¹

Павел первый святой для нас, но не для себя, по вечному закону святости: чем для других святее, тем грешнее для себя. Цену себе он знает: «Нет у меня ни в чем недостатка против высших Апостолов» (II Кор. 11, 5). — «Слуги Христовы — они? В безумьи говорю: я больше, я гораздо больше» (II Кор. 11, 23).

«Лучше мне умереть, чем уничтожить мою похвалу» (I Кор. 9, 15). Это последнее он говорит уже не «в безумьи». Мы удивлены: слишком это не похоже на то, что мы считаем святым. Но, может быть, и Павел удивился бы, если бы узнал, чем он свят для нас. «Что ты Меня называешь благим (святым)? Никто не благ (свят), кроме одного Бога», — может быть, ответил бы нам и Павел, как Иисус. «Братия», члены Тела Христова — Церкви, святы для Павла все равно, хотя и по-разному, потому что быть в Церкви, в Теле Христовом, и значит для него

¹ Первое, об Иисусе, письменное свидетельство, лет на 20 раньше евангельских, — Павлово: I Фессал. — от 50 года, а древнейшее Евангелие, Марка, — от 70-х годов

Дмитрий МЕРЕЖКОВСКИЙ

быть «святым». Очень бы он удивился, если бы узнал, что это для нас уже не так; что «Церковь» может значить: святые не в Церкви и в мире, а только в Церкви; один-два спасшихся на тьму погибающих; звезды во тьме, не внешней, — мира, а внутренней, — самой же Церкви; точки живые в мертвом теле не мира, а самой же Церкви, — страшно сказать, — самого Христа. Очень бы удивился Павел, а может быть, и ужаснулся, если бы узнал, что могут быть такие «святые», что будет и он таким.

«Первый святой»? Нет, «в мир пришел Иисус для того, чтобы спасти грешников, из них же я — первый... Я для того и помилован, чтобы Иисус... показал все долготерпение свое на мне первом» (I Тим. 1, 15–16). — «Братья, я себя не почитаю достигшим (святым)... а только стремлюсь... к почести высшего звания» — святости (Флп. 3, 13–14).

Слов пустых нет у Павла; не пустое слово и это: «после всех явился и мне (Иисус, по Воскресении), как некоему извергу, *ektrómati*» (I Кор. 15, 8). Великий святой и великий грешник, «изверг», в одном лице, — может ли это быть и что это значит, — мы не понимаем. Видим только лицо Павла, а сердца его не видим, не знаем, может быть, потому, что самое невидимое в мире, неизвестное для грешных, — сердце святых.

Первый святой — Павел Неизвестный. Им начинается какой-то путь, а за ним, — ряд святых, как бы таинственных вех или сторожевых огней на пути. Чей это путь, откуда и куда он ведет, мы тоже не знаем или не хотим знать. Но если бы мы поняли, что и эти святые для нас такие же все, как Павел, Неизвестные, то, мо-

жет быть, мы поняли бы и то, куда и для Кого проложен этот единственный путь от Иисуса Неизвестного к нам.

II

Лучше всего мы узнаем о жизни Павла от него самого.

«Я — Иудей, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в этом городе (Иерусалиме), при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и вы все», — напоминает, не без гордости, Павел Иудеям в Иерусалиме (Д. А. 22, 3), а также Иудеям в Риме: «Я — Израильтянин от семени Авраамова, колена Вениаминова» (Рим. 11, 1). И царю Агриппе узник Павел напоминает: «Жизнь мою, от юности, проводил я, сначала среди народа моего, в Иерусалиме... Я жил фарисеем, по строжайшему, в нашем исповедании, учению» (Д. А. 26, 3–5). «Мы — Иудеи прирожденные (святые), а не из язычников (Эллинов) грешники». — «Я преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неистовым ревнителем отеческих моих преданий», — скажет он возлюбленным, но неверным и «несмысленным», детям своим, Галатам (2, 11–15; 1, 14); и уже в конце жизни, — Филиппийцам (3, 5–6), тоже детям своим, возлюбленным, но верным и умным: «Я — обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей... по правде Закона, непорочный».

Так утверждая в себе Иудейство, как единственную исходную точку всей своей жизни, Павел только наполовину прав, потому что не одна у него исходная точка, а

Дмитрий МЕРЕЖКОВСКИЙ

две, — два лица, две души: эллинская, — явная, дневная, и тайная, ночная, — иудейская. Вся его жизнь — «смертное борение», «агония» этих двух душ; весь день его — Гефсиманская ночь. Сам в нее вошел и вовлек весь мир. Как и чем? Только узнав это, мы узнаем Павла Неизвестного.

III

Родина Павла — столица Римской области Киликии, незапамятно-древний, хеттито-ханаанский город Тарс, отстроенный заново Помпеем, в 63 году до Р. Х., на юго-восточном берегу Малой Азии, по узкой цветущей равнине, почти у самого моря, на берегу Кидна-реки, чьи прозрачные воды несут и в знойные долины свежесть горных снегов. Море — к югу, а к северу — снеговые вершины Киликийского Тавра.¹

Пришлое население Тарса, — купцы, наемники, блудницы, пророки чужеземных божеств, а также великие философы и маленькие риторы, — смешивает, уже со времен Диадохов, древнее Семитство с новым Эллинизмом.²

«Жители Тарса отличались такой любовью к наукам, что превосходили в них Афины и Александрию», — со-

¹ Eduard Meyer. Ursprung und Anfänge des Christentums. (1–6 Aufl.). Stuttgart und Berlin: J. G. Gotta, 1921–1926. Bd. III. 1923. S. 308. — Johannes Weiss. Die Schriften des Neuen Testaments, neu übersetzt und für die Gegenwart erklärt von Otto Baumgarten, Wilhelm Bousset. In 1. und 2. Aufl. hrsg. von Johannes Weiss, in 3. Aufl. hrsg. von Wilhelm Bousset und Wilhelm Heitmüller. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1917–1918. Bd. III. 1918. S. 48.

² Meyer. III. 308.